

Сюй Ян слегка постучал ложечкой по белоснежной фарфоровой чашке: — Даже готовить не умеет, зачем тогда вообще сдался? — задумавшись, он вдруг фыркнул со смеху: — Что, завёл себе любовничка, а он теперь нос воротит? Добился своего?

Таких самодовольных людей было немало. Они думали, что затащить кого-то в постель — это уже великое достижение, хотя на деле всё сводилось к обычным забавам. Сюй Ян уже сталкивался с подобным пару раз, и со всеми он расправлялся крайне жестоко.

Чэн Сюй подцепил вилкой маленький кусочек омлета и изящно отправил его в рот: — Само собой. — С этими словами он даже развернул телефон, чтобы показать фотографии.

— Ого, а вещица-то неплохая! — Сюй Ян бросил взгляд на экран, и в нём проснулся живой интерес.

У человека на фото были утончённые черты лица, напоминавшие фарфоровую куклу, с лёгким детским пухлыми щечками и слегка вьющимися волосами.

Хотя половина тела была скрыта под одеялом, изгиб изящной спины всё равно выглядел соблазнительно.

Такой действительно вызывал желание о нём позаботиться.

Сюй Ян хитро ухмыльнулся и с силой придвинул стул поближе, предвкушая историю о нескольких сотен бурных раундов.

При упоминании об этом Чэн Сюй вдруг вспомнил, как Гу Нин жалко и жалобно стонал в постели, и в глубине души ему даже стало немного жаль парня: — Всего раз семь-восемь. Силы уже не те, что раньше, — он покачал головой с выражением крайнего умиления на лице, явно не желая вдаваться в подробности.

— Тьфу! Да не заливай, небось и пяти минут не продержался! — Сюй Ян пренебрежительно скривил губы, ни капли не веря другу.

— Да просто презервативов не было, дома вообще шаром покати, а потом ещё всё в крови испачкали — противно стало, — Чэн Сюй поморщился, но на редкость добродушно воздержался от долгих оправданий. — В конце концов, я же ради твоего двоюродного братца старался, иначе такую дешевку мне и даром не надо.

На самом деле он считал, что с тем телом было очень даже приятно иметь дело, просто признаваться в этом не хотелось.

— Ой, кстати, мать твою, только попробуй крутить моим кузенком как обезьяна с палкой! Он тебе не прислуга в доме! — будучи лучшим корешем Чэн Сюя, Сюй Ян прекрасно знал о

подлой натуре этого избалованного мажора.

Несмотря на его сияющую улыбку и безобидный вид, на деле, когда он решался на жестокость, с ним не мог тягаться никто.

Другие убивали людей с ножом в руках, а он мог погубить человека с улыбкой на устах.

— Кхм, этот молодой господин не из таких, расслабься, — для вида откашлявшись, он постарался в памяти восстановить образ Сюй Чжаовэня. Они виделись всего раз, полгода назад.

Тогда тот стоял за спиной Сюй Яна с рюкзаком за плечами, и эта свойственная юношам застенчивость при первой встрече завораживала. У Сюй Чжаовэня было детское лицо, при улыбке на щеках появлялись две ямочки, а глаза изгибались полумесяцами. Говорят, характер у него был весьма упрямый. Хотя Чэн Сюй и любил кроликов, ему нравились те, у которых был характер.

Неизвестно почему, но в голове вдруг всплыло другое, жалкое лицо с едва заметными детскими щечками и огромными глазами. То, как он кривил губы, собираясь заплакать, казалось по-настоящему невинным и чистым до нелепости, вот только характер был слишком мягким — стоило пройти времени, как это наскучивало и становилось совершенно неинтересным.

Прикинув, что время подходит, они вдвоем отправились на арену, чтобы забрать Сюй Чжаовэня.

Хотя Сюй Ян был наслышан, что подарком на день рождения для Чэн Сюя стала лимитированная супермашина, когда он по-настоящему уселся внутри, то всё равно едва не завизжал от восторга.

— О-го-го! Да твой дед просто обожает тебя! — пристегнув ремень безопасности, он озирался по сторонам, трогая то одно, то другое, а в голове у него крутились мысли лишь о скорости и адреналине.

К моменту их прибытия на арену состязания Сюй Чжаовэня уже завершились, однако на экранах по кругу всё еще транслировались выдающиеся достижения Бога Магии Сюй Чжаовэня.

Мощный мидер, на чью долю приходилось шестьдесят процентов урона всей команды, он блестяще привел свой коллектив к победе в отборочном туре.

В этот момент у входа на арену остановилась ярко-красная гоночная машина, привлекая к себе всеобщее внимание.

Чэн Сюй был одет сегодня в бело-голубой спортивный костюм с огромным логотипом роскошного бренда на спине. В сочетании с его неотразимым, с оттенком властности лицом это создавало абсолютный образ богатенького молодого волка. Стоило ему только выйти из машины, как многие девочки в толпе принялись визжать от восторга.

Хотя он находил это шумным и раздражающим, на его лице всё же сохранялась привычная

улыбка, а при виде фигуры Сюй Чжаовэня взгляд и вовсе стал куда мягче.

— Брат, вы пришли, — подбежав, поздоровался Сюй Чжаовэнь.

— Э? Чэн Сюй? — повернув голову и заметив стоявшего рядом с Сюй Яном Чэн Сюя, он слегка смутился.

— Да уж, Чэн Сюй слышал, что ты выиграл матч, и специально приехал отпраздновать твою победу! — Сюй Ян хлопнул Сюй Чжаовэня по плечу, всячески намекая на происходящее.

На самом деле Сюй Ян уже успел по секрету шепнуть ему, что Чэн Сюй испытывает к нему огромную симпатию.

Клан Чэн был весьма авторитетной и влиятельной семьей, и любой, кто сойдется с Чэн Сюем, уж точно ничего не потеряет, а желающих оказаться с ним в одной постели снаружи наберется на целый километр.

Хотя Чэн Сюй был всего на год старше Сюй Чжаовэня, его рост составлял целых сто восемьдесят восемь сантиметров, под стать модели. Небрежно прислонившись к спортивной машине, он позволил легкому ветерку растрепать мягкие прядки челки на лбу, обнажая то самое идеальное лицо с уже наметившимися волевыми чертами, от одного взгляда на которое у любого покраснели бы щеки. Сюй Чжаовэнь точно так же не мог сопротивляться, и во взгляде, устремленном на человека перед ним, промелькнули какие-то иные нотки.

Видя, что дело выгорает, Сюй Ян предложил им отправиться поужинать в Kabala, чтобы создать для двоих подходящую возможность сблизиться.

Kabala был самым фешенебельным западным рестораном в городе, работающим круглосуточно и исключительно для VIP-клиентов — там было всё для еды, питья и развлечений.

Сюй Чжаовэнь понимал, что значит не вернуться домой ночевать, но Чэн Сюй был до того прекрасен, просто воплощение идеального любовника, что устоять перед ним было невозможно, да и не хотелось.

До сих пор он считал, что такой человек не мог обратить на него внимание разве что в каком-то сне.

— Пошли, чего ты ждешь! — заметив, что двоюродный брат не отказывается, а значит, фактически согласен, Сюй Ян обрадовался так, что был готов подпрыгнуть на месте: его роскошная тачка уже манила его!

Сюй Чжаовэнь неторопливо подошел к ярко-красному гоночному автомобилю и с легким удивлением спросил:

— Это твоя машина?

Чэн Сюй равнодушно кивнул:

— Угу, нравится? — Не дожидаясь никакой реакции, он добавил: — Нравится — забирай себе.

В его словах не было и тени показухи, всё прозвучало так непринужденно, будто он отдавал какую-то бездомную кошку или собаку.

На такую щедрость Чэн Сюя Сюй Ян мог лишь мысленно выругаться.

По правде говоря, дарить по две машины в месяц — старикан ведь мог и прищучить, а потом снова отчитать на чем свет стоит, от этого тоже изрядно болела голова. Чэн Сюй думал: если уж совсем припрет, придется сначала подарить одну Сюй Чжаовэню, а вторую отдать чуть позже...

Пока он строил такие планы, рядом раздался мягкий голос:

— Не нужно, в университете мне эта вещь без надобности.

У Сюй Чжаовэня были свои соображения: если принять столь дорогие подарки сразу после начала отношений, его сочтут меркантильным, ничем не отличающимся от тех девиц, с которыми Чэн Сюй крутил романы раньше, и уж точно не станут дорожить.

У него были большие аппетиты: ему нужны были и деньги, и сердце Чэн Сюя.

Услышав это, Сюй Ян скривил губы: с каких это пор спортивные машины стали стоять так дешево? Один хочет отдать, а другой отказывается!

Он сам не был столь щепетилен: если Чэн Сюй дарит — он берет. Сюй Ян уже давно мечтал о собственной гоночной тачке, но отец ни в какую не соглашался ее покупать.

Чэн Сюй, уже собиравшийся завести мотор, повернул голову и бросил взгляд на сидевшего рядом на пассажирском сидении юношу. Тот слегка закусил губу и улыбнулся, а его изящный профиль казался донельзя решительным и волнующим.

Чэн Сюй уверился, что перед ним именно тот человек, которого он всегда искал — чистый, добрый и целеустремленный.

Ресторан Kabala принадлежал клану Чэн, и когда они прибыли, менеджер, уже получивший известие, ждал у входа вместе с несколькими сотрудниками.

Сюй Ян к такому давно привык: владения клана Чэн простирались во все сферы, и он не

впервые приезжал сюда с Чэн Сюем.

Совсем иначе дело обстояло с Сюй Чжаовэнем: в его на вид невинных глазах таилось глубокое потрясение. Хотя семья Сюй тоже владела немалым состоянием, с кланом Чэн тягаться они не могли.

Этот ужин изначально затевался вовсе не ради еды, и не успели они толком поесть, как Сюй Ян нашел предлог и улизнул в игровой зал.

В роскошном люксе остались только Чэн Сюй и Сюй Чжаовэнь.

— Если в будущем что-то понадобится, просто говори мне... — задумчиво произнес Чэн Сюй. — Если ты действительно любишь играть в игры, я могу выкупить ту вашу команду, а ты станешь капитаном.

Машину тот брат не захотел, а просто давать деньги казалось банальным. Поразмыслив, он решил, что подарить киберспортивную команду — в самый раз.

— Это... разве удобно?.. — Сюй Чжаовэнь был счастлив в душе, но напускным видом изобразил затруднение.

— Пустяки, ты — мой человек, и я, разумеется, должен о тебе заботиться. — Чэн Сюй взял его за руку и притянул к себе.

Оба выпили немного вина, и сейчас их взгляды встретились как раз в тот момент, когда страсть накалилась до предела.

— Чэн Сюй, ты правда меня любишь? — Сюй Чжаовэнь смотрел на него, и его щеки порозовели в ожидании ответа.

— Конечно. — Тот мягко улыбнулся и крепко прижал юношу к груди.

Спустя мгновение Сюй Чжаовэнь, словно набравшись храбрости, поднял голову, поцеловал его и тихо шепнул на ухо:

— Я тоже тебя люблю.

Услышав это, Чэн Сюй почувствовал себя еще счастливее; он нежно потерся о его губы, запустил руку ему за пояс, притянул ближе и ответил на поцелуй. Человек, о котором он так долго тайно вздыхал, теперь был в его объятиях, разжигая в нем жар и трепет. Брат-величезный Гу сурово карает подонка

— Чэн Сюй... — Сюй Чжаовэнь притворился испуганным, опустив голову и избегая его взгляда, всем телом мелко подражая.

Человек в его объятиях казался донельзя невинным, вызывая непреодолимое желание защитить его. Полный довольства, Чэн Сюй мягко утешил его:

— Не бойся, я буду нежен.

В этот момент в его голове внезапно всплыло жалкое заплаканное личико, и эта картина невольно заставила его вспомнить глупую домашку из собственного дома. Его изящные брови тут же сошлись на переносице.

Заметив, что тот, похоже, недоволен, Сюй Чжаовэнь озадаченно спросил:

— Что случилось?

Он ведь не сделал ничего такого, что могло бы его разозлить. Неужели всё вскрылось...

— Ничего. — Чэн Сюй улыбнулся и, глядя на изящное и мягкое лицо юноши, окончательно отбросил последние сомнения.

В этот самый момент телефон на прикроватной тумбочке неожиданно зазвонил.

Резкий звонок в мгновение ока стер всю царившую здесь атмосферу неги.

Чэн Сюй решил, что это снова звонит Сюй Ян, и, вспомнив недавний инцидент, почувствовал, как внутри закипает ярость. Схватив трубку, он холодно бросил:

— Если никто не умер, не смей меня беспокоить!

Каково же было его удивление, когда из трубки раздался другой, сдержанный и низкий голос:

— Молодой господин, это я. Председатель велел напомнить вам, что время вашего пребывания в ресторане не должно превышать трех часов. Вам пора возвращаться домой.

Человек на том конце провода даже не дождался никакой реакции от Чэн Сюя и повесил трубку.

Это был голос Секретаря У, помощника Старого господина Чэна.

Его слова означали слова его собственного деда, и неподчинение сулило неприятности.

Лицо Чэн Сюя помрачнело, его так и распирало от гнева — знал бы он раньше, ни за что бы не стал экономить на этой поездке, а теперь вот пожалуйста, угодил под надзор.

— Прости, мне нужно идти, — виновато глядя на юношу, произнес он. — Вы с братом можете спокойно отдыхать здесь, счет уже записан на мое имя.

Весь недавний пыл был напрочь уничтожен этим проклятым звонком.

— Ничего страшного, я буду ждать, когда у тебя появится время, — с наигранной беспечностью улыбнулся Сюй Чжаовэнь.

Иногда в любви требуется поиграть в недоступность, ведь слишком быстрое сближение не

гарантирует прочности.

Покладистость юноши заставила Чэн Сюя испытать к нему еще большую симпатию, а вместе с ней и чувство вины.

— Завтра я велю привезти тебе кредитную карту, покупай всё, что захочешь, не экономь.

Чего-чего, а денег у клана Чэн было в избытке.

Однако, услышав это, Сюй Чжаовэнь, напротив, обиженно протянул:

— Мне не нужны деньги, я хочу только тебя. — Он протянул руки, сам обнял Чэн Сюя, а затем отпустил его. — Обязательно позвони мне.

Чэн Сюй кивнул:

— Хорошо, завтра я снова приду к тебе.

Попрощавшись с юношей, Чэн Сюй помчался на машине что есть мочи, вымещая таким образом накопившееся недовольство.

Поскольку они собрались рано, было всего около девяти часов вечера, но дома ярко горел свет.

Открыв дверь, Чэн Сюй увидел Гу Нина, стоявшего у дверей ванной. Тот был завернут в банное полотенце, его слегка вьющиеся черные волосы влажно блестели, и сам он походил на только что вытащенного из воды пушистого зверька. Заметив его, прежде потухшие глаза мгновенно зажглись:

— Чэн Сюй, ты вернулся...

Его и без того испорченное настроение от вида этого домашнего глупого кролика испортилось окончательно, и изящные брови вновь сошлись на переносице.

Заметив, что тот недоволен, Гу Нин не смел шевельнуться, продолжая судорожно сжимать в кулаке края полотенца.

Не мигая, он огромными глазами смотрел на него и, стоя у двери, не смел произнести ни слова.

Он думал: какой же этот человек странный, ведь он столько раз говорил, что любит его.

Почему же сегодня, вернувшись вечером, он совсем не хочет с ним разговаривать...

И утром даже не обратил на него внимания, просто убежал.

Гу Нин закусил губу, и в его глазах заплескалась обиженная, горькая грусть.

— Утром я вдруг вспомнил, что забыл кое-что в школе, поэтому так спешно выбежал из дома, я вовсе не хотел бросать брата Нина. — Начнешь злиться на него — а вдруг он потом откажется давать?

Поразмыслив над этим, Чэн Сюй немного смягчился в лице.

Сегодня вечером этот дурачок еще понадобится ему на ночь глядя, в конце концов, в отеле они

так и не оторвались по полной.

Он от природы не выносил хлопот и, если был способ попроще, никогда бы не стал искать лишних проблем.

Этот глупый и наивный парень соображал туго и вряд ли стал бы вникать в чужие слова.

— Правда? — Его чистые, огромные глаза снова засияли.

То, что с головой Гу Нина что-то не так, Чэн Сюй понял еще в первый день.

Именно зная об этом, он и позволял себе издеваться над ним куда смелее. Пусть тот и глуп, зато возиться с ним легко — не нужно ломать голову, стоит лишь пару раз польстить, и он становится донельзя послушным.

— Конечно правда, разве я могу по собственной воле бросить тебя, когда я так сильно тебя люблю? — Чэн Сюй подошел ближе, обнял его за тонюсенькую талию и принялся ласково уговаривать: — Каждую минуту на улице я думал о брате Нине. Если бы меня сегодня не задержал преподаватель, заставляя переписывать отчет, я бы давно уже вернулся.

Шампунь, которым пользовался этот глупый кролик, пах лимоном — очень свежо и приятно. Чэн Сюй нежно погладил его влажные кудри:

— Давай я помогу тебе высушить волосы!

По привычке схватив полотенце, он увлек парня за собой, усадил на диван и принялся невпопад вытирать ему голову.

— Чэн Сюй...

Внезапно раздался тихий голос у самого уха. Опустив голову, он послушно позволил этой паре красивых рук продолжать сушить его волосы:

— Т-ты ведь правда меня любишь?

На самом деле он спросил просто так, жарая услышать утвердительный ответ.

Маленькая головка опустилась еще ниже, он вглядывался в собственные белоснежные аккуратные пальцы ног, словно там крылся ответ.

Конечно же, он его не любил.

Чэн Сюй начал терять терпение — с чего это сегодня все вокруг задают ему такие идиотские вопросы?

Вся разница заключалась лишь в том, что Сюй Чжаовэнь задавал их с нежностью в голосе, а Гу Нин — по причине собственной безнадёжности.

— Правда. — Силой подавив раздражение в сердце, он ответил с изрядной долей холода в голосе, и движения его рук при сушке волос стали тяжелее. — Всё, с волосами закончено, пошли спать.

С этими словами Чэн Сюй потащил его в сторону спальни.

Шедший впереди двигался слишком быстро, Гу Нин не поспевал за его шагами и неизбежно спотыкался, а приблизившись к большой кровати, и вовсе почувствовал себя так, будто его схватили за запястье и грубо швырнули прямо на матрас.

Когда Гу Нин летел на кровать, его затылок ударился о винтажное деревянное резное изголовье, и после пронзительной боли в глазах у него все поплыло.

Столкнувшись с такой жестокостью, он испуганно сжался в комок и покраснел глазами.

А когда Чэн Сюй притянул его к себе, он и вовсе испугался до слез.

— Ой... не надо... умоляю...

Чэн Сюй замер на секунду, нахмутив брови.

Разве он был с ним недостаточно нежен, раз этот глупый кролик так испугался?

Гу Нин действительно был до смерти напуган. С малых лет у него не было матери, а был лишь отец, который избивал его всякий раз, когда напивался, так что в детстве ему доставалось сполна.

А потом, в возрасте десяти лет, отец погиб в автокатастрофе по пьяному делу, и его отправили в детский дом, превратив в круглого сироту без отца и матери.

Он искренне верил, что в детстве отец обращался с ним так потому, что не любил его.

Точно так же, как сейчас Чэн Сюй: хотя на словах он и говорил, что любит его, но вечно принуждал к тому, чего тот не хотел.

Его простодушный разум не был способен отличить одно от другого, но это ощущение точь-в-точь напоминало ту боль от побоев из прошлого, пробуждая страх в глубине души.

Он плакал тихо, уголки его глаз покраснели, тело сжалось в крошечный комочек, а пальцы на ногах испуганно подожились.

Выглядел он донельзя жалко.

Чэн Сюй слегка потерял дар речи, поэтому ему пришлось несильно похлопать парня по спине, успокаивая:

— Это я виноват, поторопился. Просто мне так хочется, чтобы у нас поскорее появился малыш и мы смогли пожениться.

Такое терпение у него находилось лишь тогда, когда в голове зрели дурные замыслы.

Молодой господин Чэн, отъявленный подлец, всегда сыпал подобной ложью направо и налево.

Стоит лишь сболтнуть пару дежурных клятв про разрушенные горы и высохшие моря — и для такого дурака даже не нужно было тратить время на черновики.

Услышав это, Гу Нин действительно перестал плакать.

И правда, Чэн Сюй поступает так только потому, что любит его, к тому же он наверняка не со зла.

Напротив, в нем всколыхнулось чувство вины за то, что он неправильно понял столь искренние старания.

Наивный и простодушный Гу Нин начал верить, что Чэн Сюй делает это ради того, чтобы в будущем они смогли пожениться и остаться вместе навсегда.

При этой мысли ему стало радостно, и он сам обвился мягкими ручками вокруг шеи сидевшего перед ним человека, послушно уткнувшись головой ему в грудь:

— Я... я всё понимаю... я тоже хочу родить тебе малыша.

Услышав это, Чэн Сюй едва не усмехнулся: он всего пару раз в шутку брякнул, будто мужчины способны рожать детей, а этот дурачок и поверил.

С трудом сдерживая смех, он с серьезным видом принялся рассуждать:

— Вот видишь, если мы так сделаем, то сразу после моего выпуска я смогу на тебе жениться, верно?

Не успел Гу Нин как следует обдумать его слова, как его губы оказались нагло захвачены, а в голове вмиг образовалась пустота.

Единственной оставшейся мыслью было то, что Чэн Сюй возьмет его в жены и они будут счастливы вместе вечно.

Этот раз ничем не отличался от прошлых — кроме боли, он не чувствовал ничего.

— Черт побери... —

В своей прошлой жизни когда еще он терпел такое унижение? Гу Нин подозревал, что небеса решили покарать его.

Стоило ему оказаться лицом к лицу с этим мужчиной, как он тотчас превращался в слабоумного.

<http://bllate.org/book/22274/2331838>